

Виталий
КРЕКОВ

СТИХИ

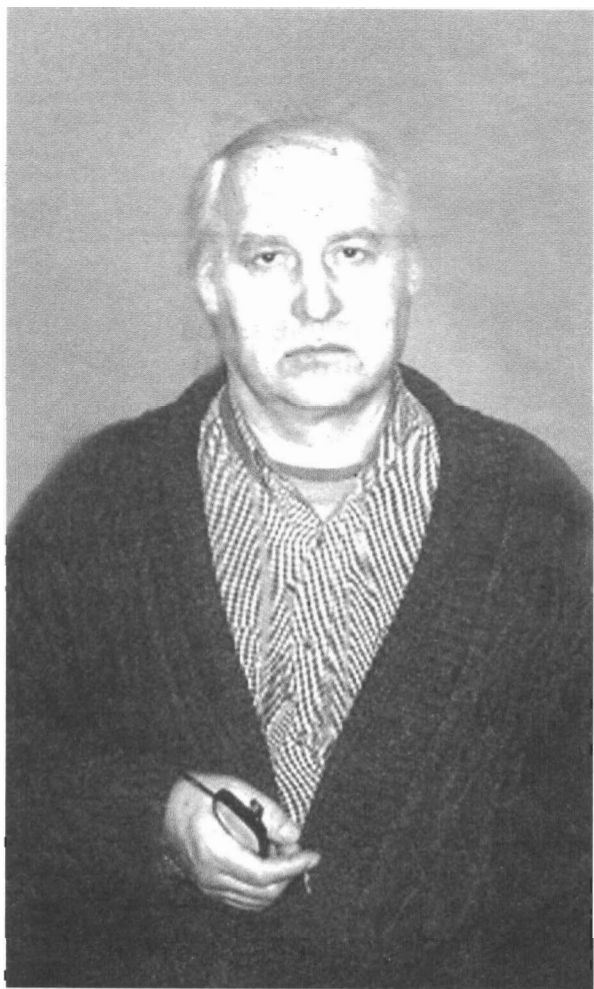

ДЕРЕВЬЕВ ЛЮД
СМИРЕННЫЙ

ВИТАЛИЙ КРЕКОВ

**ДЕРЕВЬЕВ ЛЮД
СМИРЕННЫЙ**

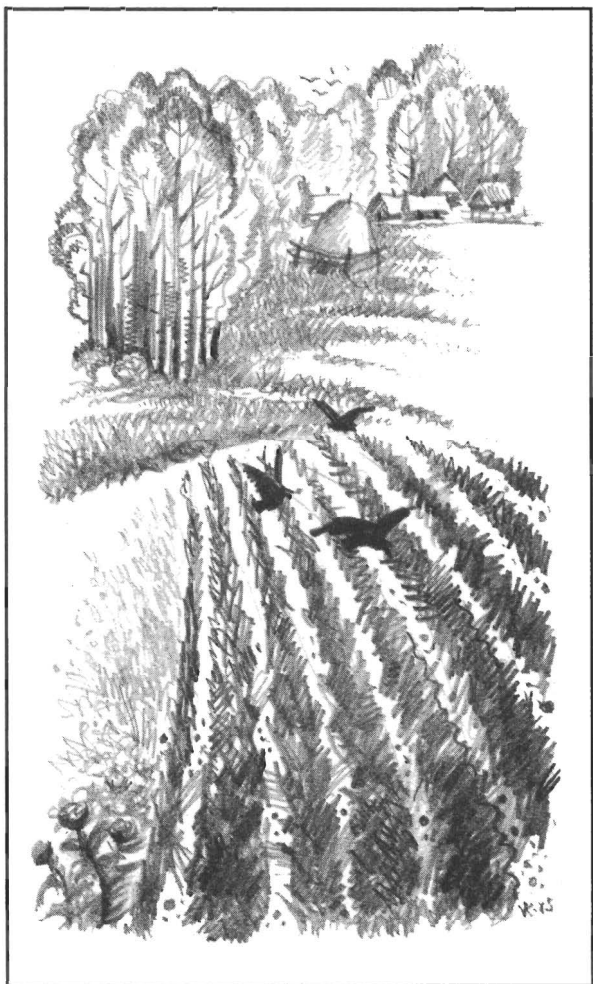
ВИТАЛИЙ КРЕКОВ

**ДЕРЕВЬЕВ ЛЮД
СМИРЕННЫЙ**

СТИХИ

КЕМЕРОВО
СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
2005

* * *

Из березовых ран я не пил свежий сок,
Не сушил лебединые груди,
Я берез красоту, как святыню, берег,
Чтоб лечились березами люди.

Я поверил поверью еще с детских пор,
Что душа ее схожа с любовью:
Опущу на нее этот острый топор —
Ствол окрасится алою кровью.

1967 г.

МАРТ

Зовут дороги и тропинки,
Уходит жизнь в черновики.
Я чувства, тоньше паутинки,
Тяну из старой шелухи.

Вот изморозь на белой коже
Свернулась в теплую капель.
И сладкой болью потревожит
От ветра скрипнувшая дверь.

1967 г.

* * *

Я помню: на кончину февраля,
Лишь оттепель коснулась крыш немножко,
Ты вглядывалась в дальние поля,
Лицом уткнувшись в талое окошко.
А за окном стоял погожий день
И на шестах скворечники теплели,
И уши распронизывала звень,
И отрясали снег последний ели.
Ты не сказала мне ни «да», ни «нет»,
Не захотела от меня отпрянуть
И в сумерки ты не включала свет,
Чтоб втихомолку сладкой дрожью зябнуть.
Ты говорила: «Приходи потом,
Когда апрель разучивает гаммы...»
Потом - насквозь проветривали дом,
Сорили ватой, с мелом мыли рамы.

1968 г.

ПОЭЗИИ

Я искал тебя, любил и верил,
Чтобы жить и чисто и светло.
Ты входила, не затронув двери,
Как рассвет в оконное стекло.

О, как долго продолжалась нега,
Изменялись кроны тополей,
Опадала пригоршнями снега
Тишина неповторимых дней.

Мы с тобой, любимая, далеки,—
Но — как крылья, но — как два весла.
И опять стекают ливнем строки
С твоего заветного письма.

1968 г.

* * *

Какая-то большая небыль,
Которую мне не понять:
Земля вот-вот сольется с небом,
И время повернется вспять.
Ноябрь в холодную обнову
Поля и кровли облачил.
А я от царственного слова,
Как раб, свободу получил.

1969 г.

* * *

В твои глаза ночь выдышала росы,
На губы твои алые — хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.

А у деревни речи станут строги,
Расстанусь, как попутчик, у крыльца.
На счастье наши русские дороги
Тянулись и тянулись без конца.

1968 г.

* * *

Мой край бесценный! — Оттого что мой.
Всем будущим моим и прошлым дорог,
Где в стынь и под зеленою листвою
Стволы твоих берез, что белый порох.

Огромен надо мною небосвод,
Но все ж, как жилка к сердцу, вьется стежка
К родному дому там, где вечно ждет
С вечерним чаем мама у окошка.

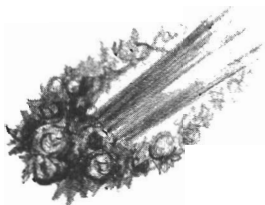
1969 г.

* * *

Манит купальница, цвет-огонек.
Век бы глядел! Только путь мой далек.
Вот и пора кучевых облаков.
В травах звонки — клубеньки родников.

Я и сестренка в нарядных венках.
Вянут цветочки в горячих руках.
Нам не уйти! Этот радостный круг —
В сотни цветов полыхающий луг.

1969 г.

* * *

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней, торжественных и разных...
О жизнь, в твоих глазах я — скромный гость,
Пришел к тебе на самый главный праздник.

Так властвуй, коль такая власть дана,
Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.

Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть твое величие земное.

Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам еще бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошел,
Облитый светом утреннего солнца!

1969 г.

* * *

Гряда светло-коричневых березок,
Мой будничный, обыкновенный край,
Где пашни, пашни на гигантском плесе
Гигантской жизни и грачиный грай.

С небес высоких, словно камень в воду
На дно светлопечальных рощ родных,
Спешу любовью заслужить работу
Отца, дедов и прадедов моих.

И не последний здесь я и не первый,
И сколько б глаз красот ни ворошил —
Я вижу здесь разверзшиеся недра
Огромной человеческой души.

1969 г.

РОДИНА

Ты в чаше рук меня, как мать, качала.
И я — каких бы истин ни постиг —
Не знаю, где конец твой, где начало,
Из чьей груди меня встревожил клик.

Как только сказкой станут бредить крыши,
Я по ночам прижмусь к тебе щекой
И вновь услышу, как березы дышат,
Наполнив грудь хрустящей белизной.

Когда гроза пройдет, утихнет ветер,
На склоне солнце станет даль слепить,
Скажу я: «Неужель на этом свете,
На щедром свете довелось мне жить?!»

1969 г.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

А я как будто на все лето дачник...
Шумят грозой омытые сады,
И на стене играет теплый зайчик
Из бочки, полной дождевой воды.

На черных грядках острые росточки,
А на лугах, скрывая боль утрат.
Оранжевые, синие цветочки
На человека вежливо глядят.

Я самой нежной жажду насладиться,
Но оказалось — выше нет любви,
Чем ощущать, как горный воздух, лица,
Отмеченные памятью земли.

1969 г.

МУЗЕ

I

Ты плакала и грезила,
В ладошечки дыша
От холода, поэзия,
О нежная душа!
Что мимо, мимо счастьеце
И праздник обманул,
И марлевое платьеце
Буран насквозь продул.
«Не плачь! На вот «Клубничные»...
Табак в кармане был.
Вчера в кафе приличное
С девчоночкой ходил.
Сказала на прощание:
«Прошу, не приходи».
Отчаянье, молчание.
А весны — впереди.

II

Разговорились вежливо,
Коснулись тонко душами,
А ты все что-то бережно
Свое родное слушала.
Как будто белым всполохом —
За дальними поездками
Увидел я черемуху,
Окошки с занавесками.

III

Все, чем я жил и что во мне имелось,
Огнем прозрело у твоей груди.
С тобой мне расставаться не хотелось,
И взгляд твой говорил: не уходи!

Мне, жаждущему, это было много —
Все обветшало прошлое кругом.
Осталась ты — как ясная дорога,
Которая ведет в родимый дом.

О нежная, в стыду морозных кружев
Возьму тебя, как бабочку, в щепоть.
В слиянье губ я принимаю душу,
Целую руки, принимаю плоть.

1969-1974 гг.

* * *

И стала тишина неслышно шарить
По стенам, от угла и до угла,
И, шляясь темной ночью, чья-то память
Людей немых и странных привела.

Она коснулась век и лба устало,
Неосторожно обронив века,
И виделись невиданные страны,
Несхожие, как в небе облака.

И люди, коих Бог на землю бросил, —
Пусть навсегда исчезли их следы, —
Но каждый жил и нес в большую осень
Кто горькие, кто сладкие плоды.

1969 г.

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Костёр таёжный грел меня, как прежде, —
Мой древний друг среди январских стуж.
Я видел даль, где облака — одежды
Давным-давно от нас ушедших душ.

Кровь наших предков время не остудит —
Отделены невидимой стеной,
На огненный язык молились люди,
А я стоял, как опоздавший в строй.

И голос: «Человек, в огонь входи
И принимай его как вечный праздник.
Единственным — своим — путём иди
Туда, где солнце без тебя погаснет».

Вот девушка с лицом мечты и грёз
В огонь ступила стройною ногою,
Морозный иней самых дальних звёзд
Скатился по щеке ее слезою.

Я знал: к ее отчизне прикоснись —
И будут «да» и «нет», и будут люди.
Они дадут поэзию и жизнь,
Они удушьем зла меня погубят.

Увижу новый свет, и будет мать
Нежна от счастья... и спустя годами
В лицо мне будет девушка шептать
И волосы перебирать руками.

И будет утро. Вечер. Звуки лир.
И обновленья вечное начало.
И будет мудрый и безумный мир
Меч поднимать и опускать забрало.

Приблизится, стгорая от любви,
Полнеба озарив алмазной плетью...
Я канул в мир нечувствия и тьмы —
За миг между рождением и смертью.

1969 г.

* * *

И оттого, что в этом хлебе
Кому-то, а не мне везло,
Я жаждал, чтоб в осеннем небе
Завязло лебедя крыло.
Кричал ему: «Постой, товарищ!
Пусть груды зерен на току –
Ты дожинать мне оставляешь
С полей созревшую тоску».

.....
Но здесь душа моя прославит
На небе облачную рябь,
Лес хвойный в золотой оправе,
Плугами вспаханную зябь.
Все чаще, уходящим, в спину
Глядит отчаянье полей...
Я, замерзая, не покину
Предела родины своей.

1969 г.

* * *

Надежда выше всех печалей,
Моим молчанием живет.
Молчанием прониклись дали,
Где опустился небосвод.

Мы в листопадах замечаем
Утраченных событий вес.
Во имя новых начинаний
На ладан снега дышит лес.

1968 г.

* * *

Как детский сон после обеда,
Как зелень после теплых влаг,
На чердаке нашел я лето
Среди исписанных бумаг.

О, сколько розовых восходов
Среди неровных строк стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок куренком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Взглянув украдкою в лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнет скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.
Я все хочу ей иней белый
С берез в лукошке принести.

1969 г.

* * *

Купавы, жаркие купавы,
Вы — трепетные огоньки.
В полях замолодели травы,
Сквозные веют ветерки.

За Иртышом, за синей Обью
Проглянет сероглазо Томь.
И там — за далью и за долью —
Стоит мой одинокий дом.

Там на оранжевые сгустки
Я лягу, руки распластав,
Увижу радостное утро
И солнце в чашечках купав.

1969 г.

* * *

Пост осени! Пора поститься мне
Последними ноябрьскими днями —
Побыть с самим собой наедине
И жить первоначальными снегами.
Год позади. Тревог не перечесть.
Все пережил, все сердцем переплавил.
С листвой простился, но железо есть
В кольце годичном — под корой окалин.
Пост осени! Как горный перевал.
И снова дали — четвертью Вселенной.
И грудь моя, как опустевший зал,
Где гулко голодны по звукам стены.

1969-1970 гг.

* * *

День проступал, и постепенно
Слабел покой ночных чернил.
Любовь из каменного плена
Прекрасный голос выводил.

И песня, с вековым напевом
О человеческой судьбе,
Вдруг стала невестой девой
На недоступной высоте.

Я с накипью самообмана
Ждал счастья, как игрок в лото,—
И вот стою с дырой в кармане
Демисезонного пальто.

Нам, братьям по судьбе тревожной,
Кто след испить ее хотел,
Плутать всю жизнь по бездорожью
И плакать от убогих дел.

Но ослепительно и жгуче
Из выстраданной мной строки
Прозреет солнцем из-за тучи
Божественная кисть руки.

1970 г.

* * *

Я выслушаю слов невзгоду
Из уст любимой — до конца.
Но в памяти, как в чистых водах,
Черты прекрасного лица.
Все, что молчанием творилось,
Все, что ласкало взгляд и слух...
На мне еще не отструилось
Прикосновенье нежных рук.

1970 г.

ПИСЬМО

Под небом голубым расцвел ранет,
Трава и листья набирают соки,
Быть может, через сотни долгих лет
В моих стихах ты прочитаешь строки
О том, как мы из миллионов лиц —
Среди надежд, отчаянья, обмана —
Искали наших солнцеликих жриц
Большого человеческого храма.
Я позабыл о том, что есть покой.
Я вышел в путь к тебе, моя святыня,
Чтоб в лучший час единою судьбой
Мое с твоим перекликалось имя,
Чтоб долго видеть твой влюбленный взгляд,
Уже не устремленный в поднебесье,
Как поколенья между нас стоят,
Спасенные великим равновесьем.

1970 г.

* * *

Наша бедность граничила с Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий блеск одиноких огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков желтых обновы,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это все вспоминать.

1970 г.

* * *

...Но все же птицы, пролетая,
Нашли в моих краях предел.
И снег прискорбной тенью таял,
И в небе жаворонок пел.

Я жить хотел как можно проще,
Как можно проще песни петь
Там, где разбуженные рощи
Не начинали зеленеть.

Отведав суть сырого вкуса
Распутицы, дорог, полей,
Они смотрели темно-русо
Разлетами родных бровей.

1970 г.

ЛЕТО В ОТРОЧЕСТВЕ

В тот год озимые хлеба
Тучнели. В травах вязли косы.
И были круче облака,
Свежее ливневые грозы.
И лес был полон серебра
И золота листвы щемящей.
Там с вечера и до утра
Цветы дышали в светлой чаше.
И к человеку строгий дух,
Как торжество счастливой веры,
Шел зоркость укрепить и слух,
Чтоб жизнь высокой мерой мерить.

1970 г.

НА ЗЕМЛЕ

От воскресенья до затмения —
Отмеренный судьбою след.
Мое большое однодневье
Перевалило за обед.

С нуля до часу было смутно,
В четыре — появленье лиц,
В пять — майское вздохнуло утро,
Когда я шел послушать птиц.

Березы, сосны, крыша дачи,
Слеза звезды на небесах.
Идешь, ничем не озадачен,
В чулках и новых башмаках.

Какая прелесть! Даже странно:
Который час, который год?
Но знаю: скоро, скоро мама
На завтрак сына позовет.

Вот мать уходит, в доме пусто,
Все вкривь и вкось, все набекрень.
Лишь схваченный огонь искусства
Украсит уходящий день.

Страстную долгую субботу
Переживу, перетерплю
И светлую мою работу
Я в день второй осуществлю.

1968-1970 гг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

Просвечивает солнце зелена.
Не успокоюсь тишиной звенящей.
Уже поля не растворят меня,
Не скроют сердце жиденские чащи,
Где в воздухе горчит апрельский пал...
И было все мне, мальчику, известно:
В тот день, когда подснежники искал, —
Что вот таким приду на это место
С тобою вновь... под одинокий кров,
Где синь небес еще не раскололась,
Чтоб слушать ликованье вечных слов,
Которые поднимет детский голос.

1970 г.

* * *

Когда поля осмысливаю взором,
Когда я слышу развеселый смех,
То оживает прошлое, в котором
Любил и горько плакал человек.

Года мои короче, как ни странно,
Все вечерее надо мною дни.
В чертах людей я вижу, слышишь, мама,
Отчетливей печалины твои.

Моя любовь — не прелесть лунной ночи
И не уют под очертаньем крыш,
Но люди, от которых сердце хочет
Забиться в стог, как полевая мышь.

1970 г.

* * *

Все было ново и ничье:
Сирень и смех в гортанях окон,
Затем на девичье плечо
Пролился светло-русый локон.

Был мною этот миг открыт.
За искушающие взоры,
Я знал, мой век не пощадит,
Хлестнет пощечиной суровой.

За то, что буду я ласкать
Его дитя, его невесту,
Меня он будет призывать
К немислимому совершенству...

1971 г.

ВЕСЕННЯЯ МОЛИТВА

С приходом первомартовских начал
Отсеребрились на стволах морозы,
И в тишине твой голос зазвучал
Обветренною кожицей березы.

И грусть моя, как с неба полумгла,
Ушла за косогоры и равнины.
Заласковело солнце, и снега
Отхлынули в овраги и низины.

Твой образ стал проникновенно люб,
Стал, как неохватимая святыня.
Я осторожно мускулами губ
Пою твое немолвленное имя.

1971 г.

* * *

Люблю, Мария, я твой дом
В печали северного сада,
Сараи, крытые ладом,
Герани, овощные гряды.

Под воскресенье с вещмешком
(Так отчего же сердце плачет?)
Спешу до сумерек пешком
Денисовской зеленой дачей.

Увидеть снова ширь полей,
Услышать родственное слово,
Узнать про жизнь твоих детей,
Твоих внучат белоголовых.

И вновь мечтать, мечтать о ней,
Которой очень, очень нужен,
Где сень березовых ветвей
И сквозняки домашних кружев.

1971 г.

В ГОСТИ

I

Как славно, мама! Посмотри —
Все поле зацвело!
Идем гостить денька на три
С гостинцами в село.

Идем к бесчисленным кустам
Черемуховых сот.
Идем к любимым старикам
Работать в огород.

С действительной я ровно год
Вернулся молодцом.
В селе красавица живет
И служит продавцом.

Я познакомиться не прочь —
Тревожит сердце юнь! —
И целоваться с ней всю ночь,
Шептать слова в июнь.

II

Какие, мама, облака!
Дождю большому быть.
В Денисово на два денька
Идем траву косить.

— День добрый, дедушка!
— Как звать
Мальчонку? Чьей родни?
— Из Волгограда, говорят, —
Все не живем одни.

Вновь разговор. Хрустит опять
О терочку морковь.
Иван Данилыч — это зять,
Григорьевна — свекровь.

III

Какая, мама, синева!
Несем с лугов цветы.
Еще не вкладывал в слова
Такой я высоты.

Как будто вечно юный гость,
Весна волнует грудь.
Проведаем с тобой погост —
Пойдем в обратный путь.

1972 г.

* * *

Чтоб пережить хороший сон,
Мне стоит только в мой знакомый
Шахтерский выехать район,
Увидеть дом за терриконом,

Дом голубой, где ждет уют,
Где чаем встретят непременно,
В подарок прозвучит этюд,
Рожденный гением Шопена.

Там стопка интересных книг,
Как ожиданье встречи с музой,
Под ноты спрятанный дневник
Особы юной, светло-русой.

А может, скажут мне: «Пора, —
Как ковш воды плеснут за ворот,—
Забудь ее. Она вчера
Уехала в далекий город».

1972 г.

* * *

Цветочницы скромны и тихи,
Им осень обещает отдых.
В ведре последние гвоздики
Холодный согревают воздух.

За дождиком — звонок трамвайный.
В одепененье — окна зданий.
И женщиною оживает
Тепло моих воспоминаний.

1972 г.

ПОСЛЕ НОЧИ

Светает. Нет уже уединения.
Прозрачен стал покой гранитных плит.
А трудный час грядущего прозренья
В зените дня торжественно разлит.

И мы, на ощупь шедшие в тумане,
На прошлое глядим и на восход,
И горше тем, кого коснулось пламя
Таинственных невидимых высот.

1972 г.

* * *

Вновь к касанию девичьих ресниц
Своенравная муза ревнует
За короткий полет белых птиц
В этом синем окне поцелуя.

Век печалюсь — и век не один,
А кругом в черных пашнях долина.
И река, где судьба белых льдин
Прошумит новогодней лавиной.

Я могу ничего не иметь
В этот солнечный день, но отныне
Только хочется дольше глядеть
На бурьян прошлогодней полыни.

1973 г.

НА ВОЛГЕ

Береза утреннюю цветь
Ветвей проплакала.
Я еду нынче в Шелехметь,
Потом в Балаково.

Час ранний. Ветлы над рекой
Щебечут листьями.
Девчонка с праздничной косой
Стоит на пристани.

Кто с ягодой спешит вперед,
Кто с легким грузиком.
Мой долгожданный пароход
Плывет картузиком.

1973 г.

БЕССМЕРТЬЕ

В краю суровом, на родном приволье,
Где нам и только нам лишь власть дана,
Мы выткали своим рождением поле
И высеем в вечность семена.

Но час придет, свое забудем имя,
Спокойной твердью ляжем там и тут.
Тогда по нам, примяв зеленый иней,
Потомки изумленные пройдут.

1971 г.

* * *

Как непредвиденное диво,
В раздолье злаковых полей
Приезжего встречали ивы
Могуществом своих ветвей.

Дождили дар листвы богато,
Когда мертвел под снегом дол.
Был виден каждый — в два обхвата —
Корявый, почерневший ствол.

Был скромн замьсел мой давний:
У той, у брошенной избы
Сменить полы, навесить ставни,
Поправить верх печной трубы.

И жить легко, неторопливо
Вдали от пасмурных времён.
И с располневшею любимой
Раз в год наведывать район.

1973 г.

* * *

Я жил за той, за синею чертою,
Там, где свелись к нулю мои труды,
И юная рябина надо мною
Горела выше видимой звезды.

В разгаре август грозами варначил,
И, как слова давно минувших лет,
Я слышал: «Даше на соседней даче
Велели брать малину на десерт».

1973 г.

* * *

Будут теплыми воды и суша,
Только б в травы желанные лечь,
Чтобы вновь с упоением слушать
Одиночества ясную речь.

Приводить в этот мир мой прозрачный
Разноцветный, веселый народ...
Снилось мне: старца мудрого мальчик
К дому белому в полдень ведет.

1973 г.

* * *

Когда в удушье суеты
Заплачешь от несовершенства,
Тогда с внезапной высоты
Прольется на тебя блаженство.

Где ложь сладка, где горек мед,
Где все дела неразличимы, —
Как будто ясный день взойдет
Над слабым огоньком лучины.

То время не успело смыть
Во мне стремления поэта,
А значит, мне свободным быть
У ног отеческого света.

Во мне леса еще ничьи,
Не оскверненные пятою,
А в тех лесах мои ручьи
Мерцают ключевой водою.

1973 г.

* * *

В лесах просторнее, звончей...
Спасибо! Остаемся живы.
Вот бронхи черные ветвей
Холодным ветром просквозило.
Но упоительно бродить
По листьям скрюченным, оглохшим,
Себя щепотью осенить,
Вздыхая, вспомнить род усопших.
И то, что к тридцати годам
Июньских роц аплодисменты
Уже напоминают нам
О сверхгигантском континенте.
И встречный человек не раз
Так всколыхнет своей судьбою,
Что в состраданье щуришь глаз,
Заплывший братскою слезою.
И думаешь: о если б здесь
Отдать последнее богатство!
И с чуждой высоты небес
Прольется наших чувств пространство.

1973 г.

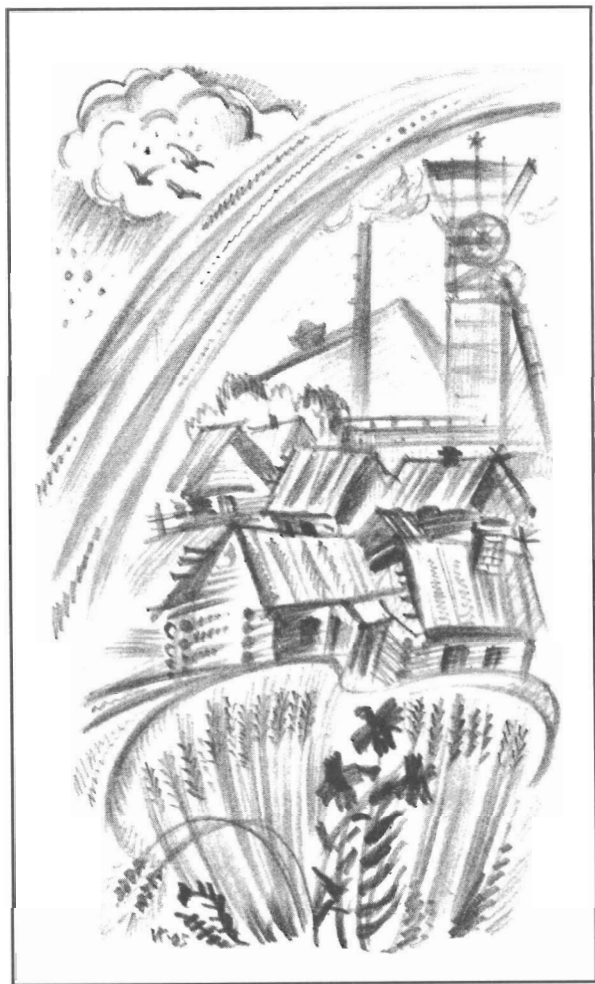
* * *

А тучи были — ослабевший ад,
Пролившийся в поля живой водою,
И за окном черемуховый сад
Уже дышал невестой молодою.

А я за все, куда свой нос ни сунь,
Платил налево и направо штрафы.
Мне тридцать окончательно.
Июнь. И я вписал в пустующие графы —

О том, что знак звериный на челе,
Что от любви напрасной не болеть мне,
Что слышал в заблудившейся пчеле
Знакомый голосок тысячелетья.

1972 г.

* * *

Вот мир мой с серенькими далями,
Изба да высохший плетень.
И ты в шаленке, дочка мамина,
И вечерет зимний день.

Ты назвала меня миленочком,
Кончается мой выходной.
Вот так дойдем до остановочки,
Уеду я к себе домой.

Чтоб вновь на лист тетрадный
выплакать,
Как бьет черемуха в окно,
Как в сердце ничего не высохло,
Что былями истомлено.

1973 г.

ГODOBЩИНА

Приехал в полдень. Просияло зыбко
Лучом тепла в Марейн огород.
Светло над поселковым клубом скрипка
Мелодию в далекое ведет.

Вот в дом вхожу, жму руки сродным братьям.
Как грусть о днях ушедших, дорогих —
Киоты обмелевших фотографий
Людей, которых нет уже в живых.

Жизнь сладкая и горькая — все праздник!
С такою верой обновляя мир,
Зазеленел мой скромный палисадник,
И птичий гомон огласил эфир.

1974 г.

* * *

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса,
Воскрешие от хлопьев снега.

Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово.
Как будто детство пронесли
Охапкой сена молодого.

1976 г.

БЕРЕЗЫ В ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

На расстанях разлук,
Где за полдень в июне,
Где сорок белых рук
В любимое нырнули.

От милых нет вестей.
Привольем — ветер сладкий.
Не вырвет из кистей
Зеленые охапки.

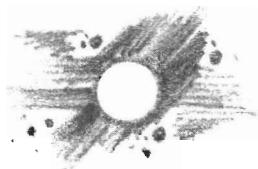
Просторы, жизнь, покой,
Тень облаков след к следу.
Спешу, спешу домой!
Вот дома только нету.

А он возникнет вдруг —
Там, за полдень, в июне,
Где сорок белых рук
В любимое нырнули.

1972-1976 гг.

О жизнь монеткой изотрусь,
Вконец растрочу дар сердечный,
С тяжелой головой проснусь
В избушке низкой на Заречной.
Но труд от всех падений спас.
Мысль проплыла в оконной раме:
«Как хорошо, что есть аванс
И три рубля еще в кармане,
Что прожитое, ровно дым,
Коль сортностью был ниже средних».
Уже вода под подвесным —
Тяжелая в листьях осенних.
Шаг сделаю, другой, еще,
В туманное завязну утро,
Увижу девичье лицо,
И станет солнечно и мудро.
И поведет мечту вперед —
Подумаю: «Откуда милость?
Иль прошлое во мне живет?
Желанное со мной случилось?»
И сдерживая чувства вал,
Скажу одно ей, не скрывая:
«Я с Богом жил, Его я знал».
Она: «Его я тоже знаю».

1977 г.

ВЕСНА

Когда весенний день, как голос нежный,
Истает до прозрачной глубины,
Войдут березы в свежие одежды,
И сосны зашумят из новизны.
И вот тогда увижу я — о люди! —
Не цепь веков, но лишь единый век.
Вдохнув голубизны, я полной грудью
Скажу: «Как ты прекрасен, человек!»
Я вижу, как плоты большие, пашни
Устремлены до горизонта всклень.
Во мне запечатлелся день вчерашний
И сквозь меня проходит новый день.

1977 г.

ЗАЗИМОК

Уже не путь, а колея.
Яснее, холодней рассудок. \
На образ твой судьба моя
Уже кладет другой рисунок.

Да, все напрасно, наугад:
Вчера — любимый, а сегодня
Ложится желтый листопад
С дождем на черный — прошлогодний.

То кисть рябины, то сирень,
То лист последний — сгустком зноя.
И вся-то радость — зимний день,
Разбавленный скупой весною.

1978 г.

* * *

Переживали перемену,
Еще не обновляя лыж.
Ты в снег зашла, как лошадь к сену,
На пихты строгие глядишь.

А я несу дровец беремя:
Наш брачный натопить эдем.
И чувствую, как пахнет время
Теплом уснувших хризантем.

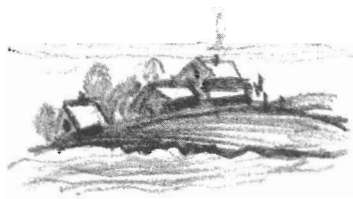
1979 г.

* * *

Смотрю в деревеньку — смущает покой.
Мне к ней не добраться — она за рекой.
Поля — чернозёмы да избы вразброс,
У каждой — по рощице легких берез.
Пылают луга огоньковой травой,
По ним не ходить мне — они за рекой.
Светлеет под солнцем, грустит под дождем,
Звучит, словно музыка, в сердце моем.

1981 г.

ВЛАСКОВО

Живу ни бедно, ни богато,
Передним не хвалюсь углом,
Но узнаю свои палаты
И славлю мой счастливый дом.
Мой дом — поля, где вольно ветрам,
Направо, напрямик, левей...
Лужайка заячья и кедры
С зеленым космосом ветвей.
В них я, возвышенный, открытый,
Молитвенно лелею дух,
Ведь выше стали и гранита
Окажется мой робкий слух.
За банькой, чуткостью в полмира,
Зальет ночная тишина, —
Подвыпившего бригадира
Ругает бойкая жена.

1981 г.

* * *

Всего на миг остался без весла,
Всего на миг — и вспомнил легкость тела
Увидел, как большая жизнь прошла,
Планета голубая пролетела.

И вот уже спокойно дышит грудь.
Слезинкой стал мне родниковый омут.
И понятая мной земная суть —
Стоит в глазах сиянием черемух.

1981 г.

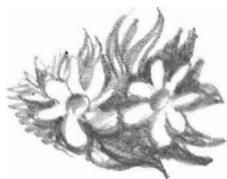
* * *

Как год за гранью февраля,
Уйду, оставив труд полезный,
Другие обживать края,
Рассматривать другие бездны.

И как большой судьбы исход —
Свидание с отчизной милой,
На черный сумрак упадет
Цветная тень моей любимой.

Она — воскресная родня
Под долгим и бесслезным взором,
Так обделившая меня
Обыкновенным разговором.

1981 г.

ПИСЬМО ОЛЕ ВЛАСОВОЙ В СЕЛО ПАЧА

Тебе мой, Оля Власова, поклон!
Судьбу мою мне не переиначить.
Я вспоминаю Яшкинский район,
Окрестности села с названьем Пача.

Там многоверстный волновал простор,
Там в белостволье человеко-сосны,
Цветов купальниц огненный ковер,
Пионов диких цвет свекольно-росный.

С тобою мы не назначали встреч,
Но помню, помню, как в конце недели
С Балуевым мы вместе клали печь,
А девушки про ямный месяц пели.

Я голос твой запомню на века,
Как летнее свое несла ты тело
И как в руке моей твоя рука,
Любимая, на миг потяжелела.

Командировка кончилась, и вновь
Я Томью шел к огням эпох соседних.
На черных камнях проступала кровь,
По ней я находил рисунки древних.

В печали я прослеживал ту мысль,
Что мрак насилья и наживы бродит,
Что людям никогда не износить
Любовь и жизнь, что мимо нас проходят.

А за рекой березняки насквозь.
Там, оголяя воздух полунищий,
Мужик забьет в сухую доску гвоздь
И следующий в шурупах ржавых ищет.

1981-1982 гг.

* * *

На Барзасе букварная осень.
Холодок родниковый сквозит.
Далеко пропечатался в просинь
Лес зелено-фарфоровых пихт.

Снова молодо, звонко, удало
Зазвенел на ветру листопад.
По логам грозовые начала
В недрах нежные кедры таят.

Я забудусь минутой счастливой
И увижу сирень, как сейчас.
И свидание с самой красивой
В обещающий утренний час.

До лесхоза осталось немного,
Проезжаем, сжигая бензин,
Лесопильню с железной дорогой,
Горсть бараков, барьер, магазин.

Нам задачи с шофером Иваном:
Поменять кирпичи на горбыль.
И томит здесь, в краю деревянном,
Ножевая, мордастая быль.

1982 г.

ПОЛЕ РОДИНЫ

Где исток золотого тепла,
Остро чувствую долю сыновью.
Это поле душа приняла —
С той поры изболелась любовью.

Тянет к русской родной стороне
Все сильней, до последней кровинки.
Там на теплых ветрах по весне,
Слезно плачется в курской глубинке.

Я ведь весь сибиряк! Через край
Дарят мне божество и раздолье
Минусинская степь и Алтай,
И кедровые рощи Притомья.

Только прежний потерян покой.
Эта светлая, скорбная память
Вся во мне, словно столп вихревой,
Все стоит и не может растаять.

Значит, нет мне другого тепла,
Где любовь — там надежда и сила.
Эту память душа приняла,
Приняла — белый свет откупила.

1983 г.

* * *

В кедровнике, среди таежных пашен,
Похоронив меня буранным днем,
Ушли — жизнь помянуть холодной кашей,
Толчком, овсяным киселем.

Закончил путь — минуты не просрочил.
Все годы к лучшей доле торопил.
Войну страдал, работал дни и ночи
И бедных вдов неграмотно любил.

И был знакомый голос в час прощальный:
«О, назови мне слов такую твердь,
Чтоб дух мужицкий, обнажаясь далью,
Мог мартовской лазурью прозвенеть!»

1983 г.

* * *

Дни свиданий в закатах сгорали,
Заходило за облако облако.
Нынче осень стояла сырая —
Цветом мы насладились до обморока.

Утеплялись вторыми рамами,
А в топольниках за гаражами
Одиноких встречал праздник храмовый
С колоннадами и витражами.

Точно озеро холодом — высветлит
В этой осени речи любовные.
На осинах последние листики
догорят огоньками церковными.

1984 г.

ОСЕНЬ В СИБИРИ

Пчелы давно запечатали мед.
Друга сердечного девушка ждет.
Неба, полей — небывалый размах.
Тысячелистник безлюдьем пропах.

1984 г.

* * *

Друг мой нежный, с тобою вдвоем
Мы в родном Урманае живем.
Ах, какой ты, любимый наш край,
Урманай, Урманай, Урманай.

(Из татарской песни)

На Урманае татарье.
Они не любят русской рожки.
Наладили житье свое
И сами на себя похожи.

Их кони, словно медь, красны,
Сыты, резвы. Их девки красны.
На танцы — Боже упаси —
Ходить совсем не безопасно.

Не ведая, постановил
Райком. И от такой нагрузки,
Гляди ж, за год инфаркт схватил
И съехал председатель русский.

Мир звездный и кедровый бор.
Свет электрический в окошках,
Кругом татарский разговор,
Звучит татарская гармошка.

1984 г.

* * *

Слова к словам и лето в завязь.
Ладонь в ладонь вдоль городьбы
С тобою шли и целовались
На белых прописях судьбы.

Потом слезил зеленый выгон,
И в синих сумерках зимы
Ручьился зной: я был осыпан
Весь вишнями твоей любви.

И жаждал я, чтоб этот случай
Стал жизнью постоянных встреч,
Носить авансы и получки,
Зимой топить дровами печь.

Лелеять в сердце память лета,
Пространство выпавших снегов,
И розовую водь рассвета,
И четкость дальних тальников.

1985 г.

* * *

Ты зачем в мою синь поднебесную —
Невеселые эти дела —
Неживое, горластое, тесное,
За любовь-то мою привела?

А во мне уголочек есть праведный,
Тем и тешится разум и плоть.
Там своей тишиною ягодной
Наделяет людей Господь.

Там всегда я в минуты свободные
Прохожу память лет, не спеша,
По весне, где полями голодными
Надышаться не может душа.

1987 г.

* * *

Июнь. Начало лета.
Про жизнь слова просты:
Воскресного букета
Отплакали цветы.

За окнами луг росен,
Деревья ветер — в дрожь.
И чувственную осень
В груди переживешь.

Пройдешь тропой знакомой,
Где ивы там и тут.
Сквозь занавес зеленый
Просвечивает пруд.

И время вдаль отпустит,
К окраине небес.
Там кожицею грусти
Не залечился лес.

1981-1988 гг.

* * *

Наде

Здесь тополя с рождения Христа.
Здесь мне с тобою вековать — стараться.
Здесь вечер лет примерно на полста
И облака над нами лет на двадцать.

Твой шелк волос струится испокон,
В глазах — неостывающее лето.
И вся ты — излученье вешних крон,
Где времена и перемены цвета.

Мне никогда не пережить тебя.
В безлюдный вечер серединным маем
На лошади мы выедем в поля
И борозды картошкой забросаем.

1988 г.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Мне стало сниться поле Куликово...
Стою и жду в передовых рядах.
Уже и чаша смертная готова,
И проступает изморозью страх.

Напротив — сталь булатная и лица,
Татарской тьмою кроет белый свет.
И о спасенье стоит ли молиться,
Когда уединенья в мире нет.

К нам сходит мать святая — ниже, ниже.
Хочу сказать: «Прими сыновний долг.
Я видел царственные ризы,
Твой бесконечно синий потолок.

Я есть твой хлебосеятель и ратник,
Не поклониться на прощанье вслед» —
...Вот от ордынцев скачет мрачный всадник,
И в бой вступает инок Пересвет.

1988 г.

* * *

Осень. Уголок моей отчизны:
Пятистенки, огороды, пруд,
Белоствольных тающие нимбы
В прорубях вечнозеленых руд.

Жить трезвее хочется, толковей,
Дни текут, как воды на весло.
В деревеньке, в стекляни ивовой
Теплое налажу ремесло.

До снегов споровю труд старинный.
Чтобы шов был тоньше волоска,
Как всегда, на полведерка глины
Сыпану я полведра песка.

Выйду, закурю, стихи слагая.
В отсветах заката у ворот
Стройная, красивая, родная
В полушалке шелковом пройдет.

1988-1989 гг.

* * *

Л.

Сохраним же до последних дней
Эту к жизни страсть неистребимую.
Справим день картофельных полей,
Там в цветах увидим Музу милую.

Грозы стынут в дальней стороне,
А у нас давно отсенокосили.
Подойдем по светлой тишине
К краешку помолодевшей осени.

1989 г.

* * *

Садим клубни на дальних полях
И по-птичьи присядем на отдых.
Эта рощица — белый сквозняк,
Эта роща — нетронутый воздух.

Эти пашни — земли чернолом —
Мне увиделись присно и ныне,
И купальница красным зрачком
Снова манит в зеленой низине.

1989 г.

* * *

В день воскресный уйду одинокий
В опустевший осенний озноб.
Затянула бывшие дороги
Киноварью трава конотоп.

И как в детстве, со мной — Божья милость,
Нажитого добра — ни гроша.
Вот былинка светло заслезилась —
И опять народилась душа.

1989 г.

НОЧЬ В ДЕНИСОВЕ

Открыты окна дуновенью,
От занавесок — многоточь,
Когда арктической сиренью
Льет древний свет шальная ночь.

И вечность смотрит нежным взглядом,
Вся женственность, вся для меня —
Как будто в полночь вербным садом
Проводят белого коня.

Где воздух белостволя росный,
Купальниц огненных замес,
Опять девчоночьим знакомством
Сквознет помолодевший лес.

И снова лошадь белым садом,
Телега, цоканье подков...
И хлебным духом бродят рядом
Живые судьбы мужиков.

1990 г.

* * *

Я вижу отчий край.
Он весь,
Как речь живая,
Кругом светлынь небес и кислорода ток.
Привет тебе, привет, гвоздичка полевая!
Как малый мотылек, твой розовый цветок.
Как в прошлом, на лугу короткое свиданье,
И отошедшей, той, летучая краса...

На венчике твоём и дух, и расстоянье
Стоят, как в летних лужах небеса.

1990 г.

* * *

Побольше кислорода в грудь!
Миры деревьев под ветрами
И неба голубая суть,
Запятнанная облаками.

Мне этим не перебродить.
Молю Того, Кто выше срока,
Чтоб это нежное любить
Оставил душу мне и око.

1990 г.

СОН МАТЕРИ

Заглянула за дверь я наружную —
Огородом бегут люди с ружьями.
Хоть была я всегда баба тертая,
А стою — ни живая ни мертвая.
Забегает фашист, морда каменная. Я ему:
— Ой, не троньте.
Я раненая.
Но свалил он на пол,
Начал робати.
Я ему:
— Ой, меня вы не трогайте.
Стала я — вся икона ходячая.
Не берут меня пули горячие.
Я граблями махать в божьем отсвете:
— Что ж, давай воевать, да не до смерти.

1972-1991 гг.

* * *

Волочусь километрами.
Все любимо всерьез.
Днем апрельским заветрены
Колки белых берез.
Облака поналеплены,
Одежонка бедна,
В ней навязли, нацеплены
Мудрых трав семена.
Жизнь никак не дотянется
До хороших рублей.
Обувь, чую, развалится
В черноземе полей.
Скажет мать: «Все в порядке», — мне.
Будет после труда
Стол с обжитыми лавками
И простая еда.

1991 г.

* * *

Октябрь поздний. Всем утратам вслед —
На взгорок ли зайдешь, за поворот ли —
Скользит погожих дней забытый свет,
Легки берез сиреневые метлы.

И сосны — вровень древним словесам —
Над ними оплывают островами.
Все отдано на откуп небесам,
А ты один — и чудо пьешь глазами.

1991 г.

БОЖЬЯ МАТЕРЬ

В храме бедном Ты так прекрасна!
Я младенческих полон слез.
Жизнь моя просветлилась ясно.
Облака — подножие звезд.
Лик усталый Твой, лик печальный
И сиянье небес видны.
И к ребенку ты не случайно
Наклоняешься со стены.
Преславнейшая, Ты ль виновата,
Что кругом разбой, воронье?
За плацдармами химкомбината
Я увидел жилье твое.
Смрад стоит над землей российской
До последнего дня ты с ней.
И угодник здесь мирликийский
Отмывает в тазу детей.

1974-1991 гг.

* * *

Об ушедших душа отболит ли?
Этот путь в царство божье не прост.
Пела голосом тонким молитву,
Наводила соломенный мост.

Скрыт туманами берег великий,
Но на пристани, где перевоз,
Проступали их тихие лики,
Что блины зеленыщих берез.

Ожидали, любили, просили,
И понятно лишь было одно:
Это нам, детям бедной России,
Отстрадать на земле суждено.

Будем нищими плакать над бездной,
Но бурьянника ветхая рать
Как всегда, будет медом небесным
В дни суровые медом питать.

1991 г.

* * *

Не возвожу я свой духовный кров,
Где от вершины до вершины снежной
Кочкарники холодных облаков
Плывут себе, плывут над черной бездной.

Пусть тяжела обыденности клеть.
Господь! Мне светит радость в жизни
бренной:
Во дни глубокой осени глядеть
На озимь и деревьев люд смиренный.

1992 г.

* * *

На стремнине текущей битвы
Всем сознанием бытия,
Не бойтесь огня молитвы,
Бойтесь вечной геенны огня.
Не бойтесь огня молитвы,
Божья милость вас оросит,
Все живое вернется к жизни,
Все дурное, что в вас, сгорит.
Есть в России такие дали,
Свежесть духа во все концы —
Там людские грехи сжигали
В брэнном теле святые отцы.

1992 г.

* * *

И дождичек, и черный волок —
Полями в две колеи.
И тычет в небо новый колок
Березки тонкие свои.

Вы вся любовь, исход болезный
И след далекий от следа.
Я образ Ваш родной и нежный
Не чувствовал так никогда.

Стою, охваченный волненьем,
Вы в жизнь мою вошли и в сон,
Где я высоким назначеньем,
Как будто бы определен.

Где дождичек и черный волок —
Полями в две колеи.
И тычет в небо новый колок
Березки тонкие свои.

1993 г.

* * *

Этот чистый холодный май
Остудил, успокоил нервы.
И пчела, залетев невзначай,
Вязнет в желтом комочке вербы.

С пароходом-лебедем вплоть
Здесь, в краю моем, так пространно
Отражается синяя вода
Ледовитого океана.

1993 г.

ВЕСНА ГОСПОДНЯЯ

Кто жаждет бесконечного,
Высокого и горнего —
На нашу землю грешную
Идет весна господняя.
Отмою я вас, деточки,
От мира окаянного.
Уже водичка налита
В корытце деревянное.

1993 г.

* * *

Весною постной мир природы светел,
В нем юность и виденье тонких грез.
И день-деньской музычит свежий ветер
Сухими отшелушками берез.

Еще часы кукушка не кукует,
И как у птички — в сердце легкий нрав.
И далеко до страстных поцелуев,
До шума листьев и купальских трав.

Унынья нет, не чувствуется тленья,
И старость станет не совсем страшна,
Когда вот так — блаженные селенья
В молитвах видит кроткая душа.

1993 г.

* * *

Марине Чертоговой

Отошли, отцвели, отлучились...
И, как будто во чреве земли,
В нижнем храме усердно
молились,
В темноте свечи тонкие жгли.
И рассвет — словно Божие тело.
Слышен сквозь благодать
разговор:
— На свечах твоя страсть отгорела,
Посвящаем тебя в рясофор.

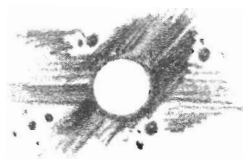
1994 г.

* * *

Люблю июнь, где ночь, как долгий вечер,
Где, словно окна, чистая заря
Сквозь коридор дорог и кроны светит,
О чуткости вселенской говоря.

Калитка в деревеньке скрипнет тихо,
В цветах земля, и облаком над ней
Блаженство обожаемого лика,
Озноб и прелесть девичьих грудей.

1994 г.

* * *

Когда в унынье ум и сердце ропщет,
Просвета нет к отеческим мирам,
Привет тебе, спасительная роща!
Привет тебе, мой белоликий храм!

Когда душа обидами разбита
И все горит на злобу и на месть,
Звучит в тебе моя любовь-молитва,
И просветляет дух благая весть.

Здесь облаков громады нависают,
Простор, где я любил сестру и мать.
И посылает в путь душа живая
От слова к слову милое искать.

Здесь речь, где умиление в каждом звуке.
Здесь родина моя. Мой край родной.
И осеняют вечность ветви-руки
Улыбчивой весеннею листвой.

1994 г.

* * *

Позасохла трава да побита
полянка,
Но цветет запоздало
гвоздичка-травянка.
Цвет весенней любви,
дочь зари и рассвета,
За порогом совсем отошедшего
лета.
Нынче мною полны
свод небесный и дали.
Отлюбилось. Как сено в зароды
сметали.
И простилось. У времени —
полное право...
Зеленеет по ровному полю
отава.

1994 г.

Там, где реки, леса и равнины,
Ты живешь. И люблю я твой нрав.
И глаза твои — две луговины
С тонкой прелестью неба и трав.

А мой взгляд — он и кроток и меток.
Дай же Бог! Чтоб стоял предо мной
Лик твой, этот фиалковый слепок,
Стан, струящий прохладу и зной.

Я молю, тем и мир мой отличен,
Чтоб в ладонь твою рученьку взять,
Чтоб твоих волокнистых гвоздичек
И ромашек твоих не помять.

И, встречаясь с тобой постоянно,
Прохожу я ромашковый плес
В поцелуи за синим туманом,
Где белеют расплывы берез.

Время знаком твоим обозначит
Этот маленький город Топки,
Где ты нынче решаешь задачи
И читаешь запоем стихи.

За тобой тишина. Откровенно...
В небе души ушедших видны.
Отзвучала суровая тема
Драматичной российской вины.

1994 г.

* * *

С. Донбаю

Незабудки голубеньким снегом
На зеленом лугу вновь и вновь
Вопрошают: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»
И прохладят любимым,

далеким

С детских лет. Вот уже потому
Эту весть о покое высоком
Принимаю один к одному.
Здесь, где северный ветер

наводит

Облаков необъятную мощь,
И проселок, петляя, уходит
В занавесы редяющих рощ,
Слезы смоят безумство

и важность...

Всемогущий! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.
Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклюнутся вновь,
Вопрошая: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»

1995 г.

ВЕСНА В БЕРЕЗОВСКОМ

Среди карьеров и других веков —
В дождинках ранний мед цветущей ивы,
Лилово-розоватых кандыков
И трепетных подснежников разливы.

А там, где речку повернул откос,
Где жадность родила отвал ползучий,
Темнеют пихты в неводах берез,
И голосит из-под сугроба ключик.

И сходит жизнь. Не та, где я живу
Да и не та, что мне ночами снится.
А та, что током полнит тишину,
Которая должна была случиться.

1997 г.

* * *

Б.Бурмистрову

Откровение, как ты сурово...
Свет зарницы в ночи погребов,
Где всегда за труды и за слово
Семь гнилых достается хлебов.
За любовью любовь, на безрыбье.
Только смеешь покой обрести —
Неземная осиновою зыбью
Просквозит нас до черной кости.
Но не бросим мы промысел давний
Не пора, не пора ли, мой друг,
Доходить до молитвы на камне,
До кормленья медведя из рук.

1997 г.

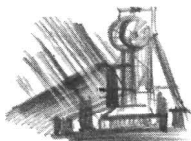

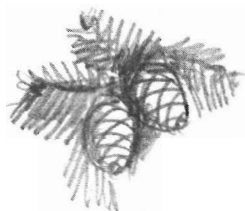
* * *

Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.
Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там в суровом полынном межзвездье
В такт Вселенной вздыхает Китай.
Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей увезу.
Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.
Оглянусь я на дали и шири:
Не возьмешь Томь блескучую впрок,
Что течет в притаежной Сибири,
Где шахтерский стоит городок.
Богатей там есть, ну их в баню.

Там поэтов, что в поле травы.
Там построил мужик на «тайване»
Колокольню в четыре трубы.
Там разрезы, там шахты и штольни.
А горняк только славою сыт.
За копейки из преисподней
Выдает на-гора антрацит.
И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
Враз шестнадцать шахтерских гробов.
Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на лицах святых, воздуха.
Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несу не один.
Ты жена — дочь шахтерская, Нина.
Даст нам бог, доберемся в Инин.
Небеса сеют снежной порошей.
Вот Березовский город возник.
Ты со мною, кулема — матреша,
Ненаглядный мой снеговик.

2000 г.

КАТЕНЬКА

Катя, землячка Катька.
Женщина-чудо, страсть!
Села в салон машины
Музыка понеслась.
Движение рук волевое,
На колесо рулевое.
Нежная поясница
Видится мне и снится,
Где заголились морщинки
Трусиков от резинки.
Скорость — ух ты и ах ты!
Катенька, строже рули.
Слева и справа ландшафты
Милой кузнецкой земли.
Долы березами сочат,
Воды Томи внакал,
Кедры зеленые ночью
Спят на крутинах скал.
Боже, какие виды!
Всюду мечты полет.
Жаль, что тебя во Флориду

Американ зовет.
Мол, в ресторанах лучших
Будешь де устрицы грызть.
Будет зеленых куча
И беззаботная жизнь.
Я ничего не имею.
Знаю — товар не тронь!
Только чуть обеднеет
Наша красавица Томь.
Здесь самоцветов море.
Я по печам господин.
Хочешь, тебе построю,
Лучший в Сибири камин,
Русскую печь и полати.
Будет беда не беда...
Катенька, милая Катя,
Не уезжай никуда.

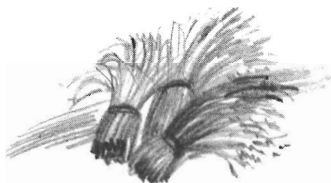
2001 г.

ВДОХНОВЕНИЕ

Всё было не коротко, да и не длинно.
Ты помнишь ту встречу, душа моя, Нина,
Когда мы напротив друг друга сидели
В ожившем лесу на зелёной постели?
Фиалками, ландышем вся ты дышала,
Влюбленно глядела, любить разрешала.
И был я с тобою на небе седьмом,
И повесть слагалась узорным письмом.

2003 г.

ПОЛЕ МАТЕРИ

Ветер песнь херувимов доносит.
Мама ниву обильную косит.
Взмах, другой. Полновесно ложится
Сноп-мужик, баба-сноп, сноп-девица.

И безмерно кругом поле славы.
Ни осота на нем, ни потравы.
Дай помочь, мама, руки умаешь.
А в ответ мысль пронзила: «Сваляешь!
Здесь урок мой, мое назначенье,
По любви, по уму, по терпенью».
Снова взмах, полновесно ложится
Баба-сноп, парень-сноп, сноп-девица.

Для тебя, мама, в полдень предлетний
Путь земной стал проселком последним,
Где березы зеленою негой
Нависали над скорбной телегой.
И травы молодой сочный глянец
Полыхал огоньками купальниц.
Но в ответ снова, снова ложится
Парень-сноп, мужик-сноп, сноп-девица.

За плечами моими, страною
Встали люди, любимые мною.
Те, чьи души — живая водица,
Дорогие смиренные лица.
Я, возникший здесь праздным уродцем,
Протоптал слюдяные оконца.
— Видно, след незрелого едок, —
Осенило меня напоследок.

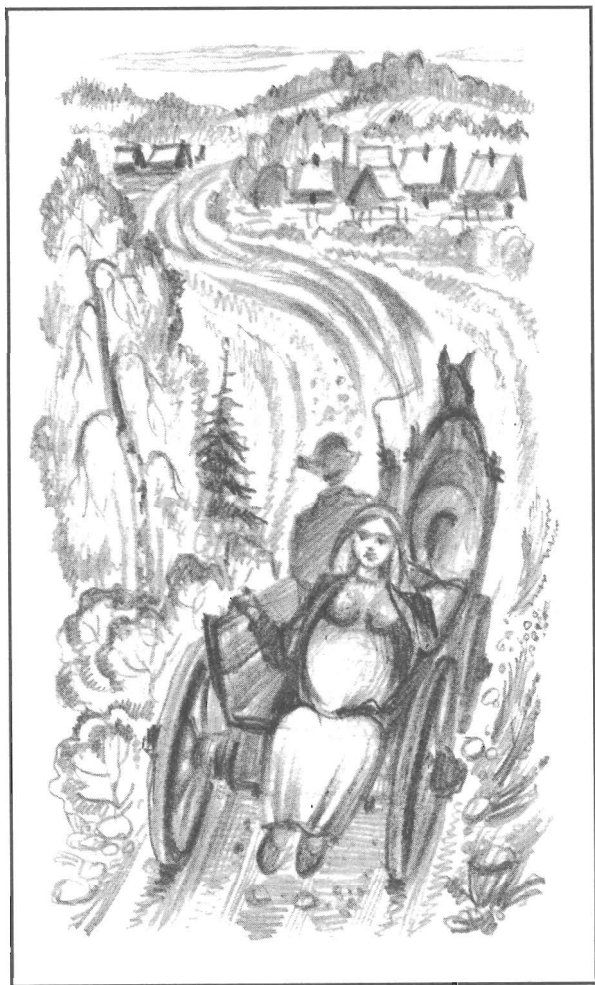
И до дома сойду по ложбинке
Там, где тучи роняют дождемки.
С верой, что на земле возродится
Сноп-мужик, баба-сноп, сноп-девица.

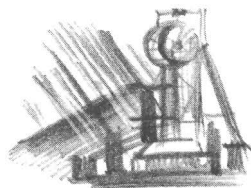
2003 г.

* * *

Журавлям, сколь даль ни открывать —
К гнёздам возвращаться им опять.
Я бреду домой, и снова мать
Будет в путь далёкий провожать.
На пригорке, где сквозит рассвет,
Есть берёзы высохший скелет.
Там всегда я обещал домой
С женщиной вернуться молодой.
Только край родной любовью дан,
Чтоб страдать от слёз далёких стран.

ДАНИЛКИНО УТРО (Хроника 50-х годов)

1

Прозрачен майский зной,
Переходящий в лето...
Плешковскою горой
Встает моя планета.
Там шахтный террикон,
Реки зеркальный ворот
В окольный небосклон
Трубит рабочий город.
— Ну, трогай, сивка, воз!
— Неаккуратный мальчик,
Известкою берез
Я сильно перепачкан.
Везем березы к нам
На новую ограду.
Дымит сосед Иван
Зеленым самосадом.

2

Весть по поселку, словно буран:
Умер Галимов ночью от ран.

Утро Победы встречает страна—
Он не наденет свой ордена.
Чисто и ало заря занялась,
Звездочка робко над нею зажглась.

3

Утро воскресенья
С нетерпением ждали.
Первыми цветами
Комнату убрали.
На душе медово,
Свет от солнца броский.
Таня — в платье новом,
Синеньких сережках.
Таня стул выносит,
Мне велит садиться,
Голову целует,
Подает гостинцы.
Будет этот день мне
Часто вспоминаться,
— Как бежал, от счастья,
На траву валяться.

4

Июньский день свежал,
Свободен был от дел.
Я на траве лежал,
На небеса глядел.
Моя любовь всерьез
Шла синью изнутри.
Стояли семь берез
В плену моей любви.

5

Цветы на поляне.
 Не изменить судьбу!
 Вощилин — к Ульяне,
 В сиротскую избу.
 Вдовой — быть замужней,
 Невдовой — голосить.
 На две коровы нужно
 Ему траву косить.

6

Пролетали летчики,
 Звезды горят.
 — Любим, да не очень-то! —
 Девки говорят.—
 С Тихоокеанского
 Моряки милей.
 С Черноморских гаваней,
 С дальних морей.
 — Хватит блатниться!
 Нос — утри!
 Прибыли балтийцы,
 Танцы до зари!
 Ребята вежливые,
 Крупным планом.
 Отошла лафа хулиганам.
 — Это кто там пляшет?
 Да эх как отменно!
 Александр Спирин,
 Моряк военный.
 Демобилизованным «Кузбасстрой» рад,
 Приехали возводить комбинат.

Спортивные туфли начищу я мелом.
Моряк полюбил девушку в белом.

7

Золотая — серебряным лугом.
Только в песнях поют о такой.
Мне б, как в песнях, быть милым и другом,
Но пока я совсем молодой.
Вижу: в утро открытые дверцы,
В птичьих перьях мелеющий пруд.
И разбитое девичье сердце
По дороге на бричке везут.
Исчезают в полях твои песни...
А на склоне вчерашнего дня
Мне казалось: в Америке сверстник,
Как и я, взглядом ищет меня.
Золотая — серебряным лугом.
Только в песнях поют о такой.
Будоража всю нашу округу,
Пограничник приехал домой.
Выпьет стопку в родительском доме,
Ребятью на крыльцо позовет,
Пораздаст им значки и погоны,
А наутро в правленье придет,
Будет мир — будет светлое завтра!
Только в праздник труда не проспять!
Он посадит с собою на трактор
Под озимые поле пахать.

8

На березах желтый лист.
Виталька Гутов — тракторист.

Комбайн таскает до темной ночи,
Желтые копны кругом наворочал.

9

Стыдно мне на люди
Показать глаза,
Дорогого судят
За мешок овса.
«Лез в чужие двери,
Набивал живот,
А теперь отведай
Северных широт».
Буду по тебе я,
Милый, горевать,
Буду я махорку
В лагерь посылать.

10

Наш огород ранеткою засвечен.
Холодный день и дом наш засыпной,
Сколоченный из обрезных дощечек,
Натасканных со свалки городской.
У кирзавода тощенькие клёны
Над дикими бурьянами торчат.
И мимоходом бывший заключённый
Смущает автобазовских девчат.

11

Мой город был рабочий, грубый,
Не знавший тротуаров лоск.
Дымили заводские трубы,
Везли составы: уголь кокс.
Шлагбаумы, дожди, метели...
И отпущеньем после стуж

Бензина капли сизовели,
Упавшие в бульоны луж.
Но магазин универсальный
От булочной и до пивной
Был всех нарядней, всех желанней:
Он весь пропитан был М о с к в о й.
Там возле обуви, посуды
И разнаряженных невест
Воскресным днём ходили люди,
Как будто из московских мест.
И всё ж М о с к в ы мне не хватало.
Ей отдаваясь чувством всем,
Я по лицу, чтоб мать не знала,
Размазывал московский крем.
Хотел я в детстве быть пилотом,
Ведь в песнях наших пелось так:
«Летите к ней на самолётах,
Спешите к ней на поездах!»
О детство, ты — как день вчерашний.
Там начинался мой полёт.
Вот мать купила мне фуражку —
Москвою пахнет шевиот.
Пусть знают все мою обнову!
Мальчишки — радость пополам!
— Мою московскую корону
Примеривали к головам.
Пришёл детина с папироской.
Примерил кепку и спросил:
«Откуда, парень?» — «Я московский». —
«Москвич?! Садись в автомобиль!»
Кругом галдело и смеялось,

Корону сдёрнули легко...
На пустыре чужом сломалось
Проклятой тачки колесо.

12

Шахта «Ягуновская»,
«Пионер», «Центральная».
Песня ты шахтерская,
Музыка прощальная.
Шахта «Ягуновская»,
Синий небосклон.
Между белых рощиц —
Чёрный террикон.
Шахта «Ягуновская» —
Как на войне:
«Уголь кузбасский
Нужен стране!»
«Уголь нужен —
Добычу утроим!
Отечество родное
Мир на земле строит».
На смену, в забой
Тормозок снаряжён.
На солнышко посмотрим,
Обнимем жён.
За этот нелёгкий горняцкий труд
Весной огоньки с полей принесут.

13

Огоньки, огоньки
Полонили дали.
Наплету из вас венки —
Вы полны печали.

120

На созвездьях горных руд
Антрацит вам тѣзка.
И венчаете вы труд
Стороны шахтѣрской.

14

Сегодня праздник — Первое мая.
Солнце на флагах лучами играет.
Конной милиции всех видней,
А чтоб ещё виднее —
На дыбы коней.
Кони гладкие, овсом балованы.
Поднимаются нехотя, словно шлагбаумы.
В праздничных колоннах народу немало.
Дети с флажками, грузовики в алом.
Хорошо пройтись с портретом в потоке.
Идут трубачи – надувают щѣки.
От барабана земля колышется.
Заругает мать: «Уйдѣшь — Не доищешься!»
И всюду радио: «Дружите с неграми!..
...электростанция!.. электроэнергия!..»

15

Девчонки-комсомолчки
Ребятам гладят чѣлочки.
А девушки партийные
Ходят беспарнейные.

16

Окна напролѣт
Не закрыты ставнями.
Заспешил народ
На базар с окраины.
Семечки погрызть,

Поглазеть старательно
Да обзавестись
Шевиотом, штапелем.
Ходят старики
Из страны Иконии.
Нянчат мужики
Резвые гармонии.
«Расцветай, моя
Красная республика!
Полюбила я
Молодого жулика!» —
На баян не глядя,
Сирота играл,
А хороший дядя
Много денег дал.

17

Дверь павильона
Настежь раскрыта,
А оттуда «Пасодобль»,
«Рио-рита».
Ткань в полоску на матрац,
Продавец, отмеряй-ка,
Чтобы снилась и у нас
По ночам Америка.

18

В молниях света,
Словно к беде,
Пароход многопалубный —
По чёрной воде.
Небоскрёбы важные...
«Не разевайте рот!

Прибыли граждане,
В город Детройт!»
Здесь я негра чернее,
Бесправен и гол,
А в городе Детройте
Карнавал прошёл.
В пустынных скверах
Тишина клаксонит.
Воскресное утро
Ангела хоронит.
Хрупкая душа до кончика вытоптана,
Чувствует сердце Уолта Уитмена.
С ним каля-баля,
Попили ситро,
В Горный Алтай
Распахнули окно.
Вдоль Бии бродили,
На другое утро –
В Кемерово, домой,
На машинах попутных.
Трудно в Детройте
Заслужить почёт.
Чтоб не быть в Детройте
Человеком лишним,
Баба Тася неграм печи кладёт.
С ними вместо «Русской»
Попивает виски.

19

Жёлтое поле,
В стогах долина.
У дома Галимовых

Грудастая рябина.
Тихо пахнет злаками
Молодая осень.
Дядя Ваня Маслов
В логу осоку косит.

20

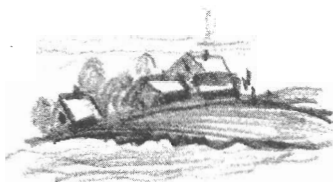
Окна напролёт
Не закрыты ставнями.
Зашагал народ
С городской окраины.
Вот мужик — на «ты»
В рубашке сатиновой.
Хлеб, кусок кеты
В сумке дерматиновой.
А за ним другой —
Куль под мышку, «деточка».
Сшил ему портной
В восемь клиньев кепочку.
Кто-то в сапогах —
А нельзя ведь иначе.
Женщины в платках,
Девушки — в косыночках.
Лебеда, полынь...
У трамвая — суতোлка,
Пропылила синь
Крытая полуторка.
К коксовым печам —
Мужики заречные.
К гаечным ключам,
К молоту кузнечному.
Каждый день-деньской

С камнями сутулимся.
Камни на покой –
Хорошеют улицы.
Будет праздник в срок,
С песнями да танцами.
И зовёт гудок
На электростанцию.

21

Уходит от перрона скорый...
Меня обратно не зови.
Прощай! Живи, как хочешь, город!
Я не узнал твоей любви.
Но, точно школьные тетради,
Я вижу, что прошло давно,
Я слышу звуки на эстраде
Послевоенного танго.
Но как любил я сумрак томный
Высоких старых тополей,
Как волновал закат над Томью,
Шары чугунных фонарей...
Здесь моё сердце слишком рано
Земную полюбило высь.
Как будто Величавой Дамой
Иная проходила жизнь.
Прощай! Я ухожу в мир новый.
Прощай! Я встретить всё готов.
Но соберу за твой целковый
Величье новых городов.

1976-1983 гг.

ВСЁ РОДНОЕ, ХОРОШЕЕ

(Русская тема)

Говорила родное, хорошее:
«У отца моего лошадь белая.
Сад большой, в нём всё яблони, яблони.
И реки, и луга тонкотравные,
Да цветистые-расцветистые».
И лицо её было худенько.
Только губы алые-алые,
И ноженьки тоненькие,
И коленочки кулачками.
И подумал я: «Ах ты, ребрышко!
Полевого закатного солнышка».

Край мой отчий — просторы осенние,
С пихтачами, кедровыми соснами,
Просветлённый кругом берёзами,
Сохраняющий гул человеческий,
На великое призывающий!
Занесло к тебе это зёрнышко
Полевого закатного солнышка,
Голосочек, печалинку русскую.
И увидел я землю курскую.

Обнял тесть. Молвил: «Милые деточки!»
Так сбывалось родное, хорошее.
Мать крестьянскую руку подала —
И опять хлоптать по хозяйству.
Отпустили на луг лошадь белую.
Тетя в стайке пропала с ведрами.
Я, как гость, с любимой отправился
В сад большой, где всё яблони, яблони.
Называла меня любимая
«Лапотулечка пучеглазая».

А потом посвежевшим вечером
Тополя долам так и кланялись.
Небеса в них блестели стёклами.
В них делёкого много помнилось.

Приспешила душа — Марусенька,
По родному дому соскучившись.
Папа Ваня зашёл с мамашкою,
Говорил: опять с переводами
Много денег де с книжки попорчено.

А потом для знакомства на свадебку
Вся родня кто как есть собиралась:
Прибыла тётя Саня из Глухова
Со своей незамужней племянницей.
Привезли тётю Мотю из Тёткино
С тремя мерами мёда пчелиного,
Приплелась тётя Водя из Кекино
С непорожной бутылью старинною.
И пошло: кумовья из Шагарово...
Полон дом молодого и старого.

Папа Ваня попортил сто рубликов,
Да махнул, и ещё дал пять красненьких
На семейное становление.
Ну, с мамашкою, разумеется.
Завернули Волчок с Ваней Трусиком
Посмотреть зятя Коли Десятого.
Зять «Байкал» пел, «Тюрьму Мариинскую»
Да про гибель полка партизанского.
А потом мы Москвою улыбчивой
Всё ходили и любовались.
И у башен на Красной площади
Светлым духом её причащались
Дети вольных краёв Отечества,
Братья, сёстры, белые, смуглые.
И любимая, личико худенько,
Только губы алые-алые.
И ноженьки тоненькие,
И коленочки кулачками.

Половина уж жизни прожита.
Стало далью родное, хорошее.
Но плотней к сердцу слово «Родина»,
От любви большой необъятная.
Не взлетает душа, к земле ластится,
Обнажая пространство окнами.
В них и Курщина огородная,
Урожайными нивами тесная.
Вот в Сибири в окно постучались,
Принесли телеграмму скорбную.
Чтоб в живых застать мать болезную –
Самолётом утром. А вечером

Домочадцы, вздыхая, встретили...
Для больной было всё последнее.
И она, от рожденья смиренная,
Говорила: «Эх, так бы вас встретила!»
Поднесли золотую внученьку,
Поспешили за соком берёзовым
В сад большой с пол-литровой баночкой.
Мутным соком берёза капала.
А душа-то, душа-то плакала.

К отошедшей потом на прощание
Вся родня кто как есть собиралась.
Прибыла тётя Саня из Глухова
Со своей незамужней племянницей.
Привезли тётю Мотю из Тёткино
С тремя мерами мёда пчелиного,
Приплелась тётя Водя из Кекино
С непорожней бутылью старинною.
И пошло: кумовья из Шагарово...
Полон дом молодого и старого.
Папа Ваня положил сто рубликов
И заплакал: «Татьяна Андреевна!»
Встали к гробу Волчок с Ваней Трустиком,
В лихолетье солдаты стойкие.
Запрягли на дворе лошадь белую,
Привезли бабу Веру старую.
Та глядела глазами летними,
Говорила: «Так что же ты, доченька,
На груди свои рученьки сложила?»
А гусыни, на гнёздах сидевшие
Под кроватью, просились на улицу.

Прямо в комнате крыльями хлопали.
На плечах несли сельским кладбищем,
Уж давно полысевшим от времени.
Там могилка одна светилась —
Коля, зверски убит фашистами.
Февралём обожгло воочию.
Стало к сердцу тесней слово «Родина».
Вот оно, всё родное, хорошее. 304
И любимая, личико худенько,
Только губы алые-алые.
И ноженьки тоненькие,
И коленочки кулачками.

1986 г.

ПО КАЗАЧЬЕМУ ТРАКТУ

Поэма

Настоящее, прошлое — кругом,
И любовью болей не болей...
Вижу я, как в подзорные трубы,
Перелески и дали полей.
Все то — в сердце. Что в закроме жито.
Все то — Божие стало, одно.
Оттого, что уже пережито,
Оттого ли, что все прощено.
Зри цветочки, дыши полной грудью...
А моих россиян не порочь!
Проросли их нелегкие судьбы,
Словно звезды в морозную ночь.

ЕЛЬКИН ЛОГ

Бдительное око — государству щит.
Потайной сотрудник в органы строчит,
Зоотехник Елькин, странный в мелочах,
Танцевал с женою ночью при свечах.
Есть падеж, а это — хуже вражьи мин,
И со всеми — те-те, словно дворянин.

Спортом силу правит. Буду прав — не прав,
Но он ночью ставит стержни в гущу трав.
У советской власти сила велика.
Едут средней масти двое из чека.
В кобурах согрета боевая сталь.
Первенький, одетый весь в диагональ.
Первый парень меткий: Елькину — все, крест.
Пишет на планшетке ордер на арест.
И над разнесчастной Елькина судьбой
Наплывает туча с молнией — грозой.
Разговор короткий первый торопил,
Чтоб в пути машину дождь не захватил.
Первый парень бравый. Да второй — не лох.
Контрику наганом в кузов влезть помог.
Едут, ветер в спину. Только дождь подпер
Первенький — в кабину (а второй — шофер):
Чтоб не заржавела боевая сталь,
Чтоб не потеряла вид диагональ.
Елькин встрепенулся, да и был таков —
Выпрыгнул из кузова у вторых кустов.
Первый сделал выстрел, с маху в грязь упал,
А второй-то в рытвину сполз, забуксовал.
«Чеки», как подсохло, приняли свой вид,
Ночью взяли око — государев щит.

ДОРОГА

Голубянки-бабочки на илище сырой,
А наемни ливень шел, да с большой грозой.
Рожь стоит оградой, взгляд — куда ни кинь —
Ветерок с прохладой, шелковая синь.
Травушку порушили да сметали в стог

Золотые лютики, чину, клеверок.
Было: девки в ситцевом, лицами красны,
Ягоды с клубничников ведрами несли,
А в цветах картофельных расцветал паслен...
К Жуковым с повесткою прибыл почтальон.
Новобранец смодничал, вставил фото в ряд
Там, где Спас с угодником грешникам грозят.
Под киотом к случаю (рукосуй не тронь) —
Самая певучая на любовь гармонь.
Здесь герани пышные, все не просто так,
На платочках вышитых боевой пятак.
Фикус в кадке кренится, выйдешь за порог —
Есть в прохладной сеннице масло и творог.
Новобранец в армию с танцев с вещмешком
В ночь ушел с матанею к городу пешком.
Ночью чародейною к зорьке поспешать,
А луга лилейные — скорая кровать.
Бабочкой-лимонницей листик тронул сень.
Зятю Юдинковому было девять дней.
В пору сенокосную малость погостил
Да на мотоцикле в город укатил.
Протрещал дорогою, спугивая птах,
Объявился запахом во вторых кустах.
Говорят, на рытвине только сбросил газ —
Душегубы лютые выскочили враз.
Не разжились грошами, из тюрьги шли,
Мотоцикл брошенный в Шевелях напли.
Песню про любовников заведу о том —
Срублен у коровников общежитный дом.
Вдовицы и девицы в доме том живут.
Там начало пенится поселковых смут.
Там мочой простреленный у крыльца сугроб.

Будешь неуверенным - врежут прямо в лоб.
Но зато и прочно в доме держит власть
Полевая почта, войсковая часть.

ДЯДЯ ГЕНА

В жизни, как в симфонии, каждый вознесен,
Каждый есть Бетховен, гений, чемпион.
В шахматах — Ботвинник, жезлом чистый бес
Был прославлен Линник с Кемеровской ГРЭС.
Век свой не короткий, поубавив пыл,
С Маней Краснощекой на Шахтстрое жил.
Он в ларек питейный шел, как прокурор.
Мужики, партийный бросив разговор,
От пивного пойла, ровно как в кино,
Мордами равнялись молча на него.
Коль в штанах полено — счастье для подруг.
Жил в Кузбасском скотник Гена Ганащук,
Вот он небо кроет не малиной в рот,
Золото ночное от коров везет.
Рябоват на снимок, летом пас коров,
От яиц и сливок в корень был здоров.
Худоват, но в милость. Буйство внешних сил.
Не одну на силос бабу завалил.
Дядя Гена с шуткой бабу обоймет,
Смотришь, у желудка корень пропадет.
Изведется перцем (удалец не пуст),
Обмирает сердце от набора чувств.
И в Кузбасском, кстати, этот Гена-змея
Всех перелопатил женщин без мужей.
О, святая шалость! Не его вина —
В мужиках нуждалась Красная страна.
Так и вышло, самый смелый оголец

Скажет: «Дядя Гена — это мой отец».
Стадо к водопою гонит в зной паут.
Все само собою. Гена лезет в пруд.
С папироской — турок чисто! — заплывет,
Выплюнет окурок, в глубину нырнет.
Вынырнет, уважит — через спину нырк.
Зрителям покажет свой моржовый клык.
И доволен Гена был своей судьбой,
Матрасовкой с сеном, печкой в кубовой,
Где топчан отличный, не барачный кров,
Прочь от истеричных женщин и клопов.
Жил от случки к случке. Все прошло как сон.
После дней получки в город ездил он.
Кончилась неделя, светлый день встает.
С Конного, со Швей повалил народ.
Не пробить мортирой, все — как на пожар.
Боже! Сколько миру едет на базар.
В транспорт прет отменно, но в салон легко
Влезет дядя Гена в тоненьком трико.
Надо ж так набиться, не прошить иглой.
Гена примостится к паве молодой.
Намертво, в обнимку — с благородной шваль.
Шеф за Искитимку жмет на всю педаль.
В духоте томится сдавленный народ.
Крепнет в ягодицах Генин электрод.
Разрядится силой в девяносто пуль,
Что из рук водилы вышибает руль.
День животновода. Красной борозды —
Праздник для народа, отдых от узды.
Подарили Гене на костюм отрез.
Выступают шефы с Кемеровской ГРЭС.
Лент атласных вьюга в танце казачок —

В шароварах други — девок за бочок.
И никто не лишней, и с копейкой лоск.
Развернулся книжный разъездной киоск.
Водку, погляди-ка, пьют и тут и там.
Ищут ползунику пары по кустам.
За бутылкой новой в самый сильный жар
Дядя Гена голый в центр побежал.
При такой погоде, милый мой дружок,
Лучше пить крем-соду, кушать пирожок.
Путь в ларек недолог (если напрямиком).
Федор-идеолог спрятался в партком.
И от откровенной этой наготы
Лилия Ивановна рухнула в цветы.
Чтобы не рискованно навести покой,
Скачет к участковому всадник с докладной.
Гришкин от портвейна сам ни бе ни ме
Едет на трофейном авто бээмвэ.
Врезал Гене в ухо, вбил безумцу толк.
На пятнадцать суток в город уволок.
Вышел Гена-детка, истину изрек:
«Кому небо в клетку, кому в козырек».

МАША-СИРОТКА

Вот Мария — душа, богу — свечка...
Виснет теплый апрельский денек.
Там, за гривой, есть синяя речка —
Небольшая, совсем ручеек.
Не увидишь там роскошь природы —
Лог сухой, у поселка прудки.
У избушек малы огороды,
Да и сами избушки жидки —
Будто серых воробышек стайка...

Здесь за деньги казенные труд.
И поселочек этот Мамайка
И Орда Золотая зовут.
Маша — это девчонка, подросток,
Только минул тринадцатый год.
Сортирует в подвале картошку,
Огородникам маты плетет.
Жизнь — и ад, жизнь — и Божия нива.
В синем ситчике — хрупкая статья.
В середине зимы схоронила
В тихой рощице беженку мать.
И теплит эту скорбную память
В ней молитвенный подвиг, труды.
Первоцветики нежные ставит
На могилку в стакане воды.
Год прошел, вновь весна наступает,
Тянет грешных на чистый исток.
Ветку с ягодкой кто не сломает,
Не сорвет одинокий цветок?
Вот и тяжесть смущает тревогой...
И от шумной молвы на маяк
Вышла тропкой и пыльной дорогой
К дальней тетке идет в Маручак.
Вот мужик на подводе. Фуфайку
На зеленку пластом постелил.
(Поросят на продажу в Мамайку
Он соседям не раз привозил.
А соседи — крылечко к крылечку...
Раз в родительский день, в выходной,
В город ездила, в церковке свечку
Вместе ставили за упокой.)
Сесть помог, говорит:

— Будь не лишней!
В руки вожжи пеньковые взял,
Щелкнул мерина и кнутовищем
На Манюсин живот показал.
А потом, опустив глаза кротко,
За людей, извиняясь, спросил:
— А скажи-ка мне, дева-сиротка,
Это кто ж так тебе навредил?
Еду, вижу, что целая драма,
Ум вскипел, сердце кинуло в дрожь...
Знать, живешь ты без папы и мамы,
Что с последним-то сроком идешь.
Маша плачет от слова живого.
В такт телега трясет и пылит.
И про сына Ивана Кривого
Невеселую речь говорит.
Был он ловок и скорый на слово,
Был горяч под седлом его конь.
Вмиг прискачет на танцы с ночного,
Когда вальс заиграет гармонь.
Видно, спрыгнет — примите подарок!
И глазами начнет девок стричь.
Точно парус, его шаровары
И с кистями-коленцами бич.
Для девчонок он первый залетка,
В танце бедра ласкает рукой,
Развевается бич его — плетка
На отлете, что кортик морской.
Он в зубах папироску елозит,
Он любовного дела знаток,
Он назад козырьком кепи носит,
Завернул голенища сапог.

Сердце девичье плугом распашет!
Раз, подвыпивший, но не грубя
Говорит:
— Полюби меня, Маша! —
Мол, никто не обидит тебя.
Кто обидит — устрою науку!
Погулял я на воле, пожил...
Как железо, тяжелую руку
На ключицы мои положил.
Мы плели с ним венки на утеху!
Вот и вся моя жизнь, весь мой сказ...
А потом он зимой уехал
По вербовке на Нижний Барзас.

.....
До села докатили колеса.
Там сказали: матрос-балагур
На арбузы да на абрикосы
Твою тетку увез в Булунгур.

.....
Тут мужик: что, мол, время теряем —
Неприлично судить да рядить.
Бог велит мне по-белому баню
Для тебя, сиротинка, топить.
В баньке теплой иконка на стенке.
Схватки первые как начались,
Ей мужик:
— Становись на коленки,
Божьей матери слезно молись!
И явилась то Божия милость —
Человеков пополнился род!
Вот сыночком она разрешилась —
В колыбельку, стесняясь, несет.

К мужику льнут девчонки-погодки.

Говорит он:

— Един наш венец.

Ты, Мария, с малюткой... — сиротки,

Я с детьми четверыми — вдовец...

.....
Жили-были, не нежились льготами,

И умами не мерили высь.

Просыпались, как будто работали,

И опять за работу брались.

Не летали по странам на боингах,

Спин не грели под солнцем Канар.

По морозу возили убоюну

Да грибы на губернский базар.

Раз в году, в дни большого светания,

Где, как воздух, зеленая сень,

Подавали в платках поминание и

молились в Родительский день.

И опять за труды лето-летечко.

Отдыхали, как встанет река.

Вспоминали цветочки и свечечки,

Жизнь свою у огня камелька.

Где ходил я дорогой буранною,

Где ветра дули в спину и в грудь —

Вот он конный и тракторно-санный

Наш земной, человеческий путь.

От избы деревеньки последней,

От корней и соцветий травы —

Как живем, так и служим обедню

Перед Богом! И этим живы.

1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Из березовых ран я не пил свежий сок...»	5
Март.....	6
«Я помню: на кончину февраля ...».....	7
Поэзии	8
«Какая-то большая небыль...».....	9
«В твои глаза ночь выдышала росы...»	10
«Мой край бесценный ...».....	11
«Манит купальница, цве-огонек ...».....	12
«И хлеб, и соль, и винограда гроздь...».....	13
«Гряда светло-коричневых березок ...».....	14
Родина	15
День памяти.....	16
Музе.....	17
«И стала тишина неслышно шарить...».....	19
Рождение звезды	20
«И оттого, что в этом хлебе...».....	22
«Надежда выше всех печалей...»	23
«Как детский сон после обеда... »	24
«Купавы, жаркие купавы...»	25
«Пост осени! Пора поститься мне...»	26
«День проступал, и постепенно...»	27
«Я выслушаю слов невзгоду...»	28
Письмо	29
«Наша бедность граничила с Богом...»	30
«...Но все же птицы, пролетая...»	31
Лето в отрочестве	32
На земле	33
Возвращение в детство	34
«Когда поля осмысливаю взором...»	35
«Все было ново и ничье...»	36
Весенняя молитва	37
«Люблю, Мария, я твой дом...»	38
В гости	39
«Чтоб пережить хороший сон...»	41
«Цветочницы скромны и тихи...»	42

После ночи	43
«Вновь к касанью девичьих ресниц...»	44
На Волге	45
Бессмертье	46
«Как непредвиденное диво...»	47
«Я жил за той, за синею чертою...»	48
«Будут теплыми воды и суша...»	49
«Когда в удушье суеты...»	50
«В лесах просторнее, звончей...»	51
«А тучи были — ослабевший ад...»	52
«Вот мир мой с серенькими далями...»	54
Годовщина	55
«Как остро чувствуют глаза...»	56
Березы в ветреный день	57
«О жизнь монеткой изотрусь...»	58
Весна	59
Зазимок	60
«Переживали перемену...»	61
«Смотрю в деревеньку — смущает покой...»	62
Власково	63
«Всего на миг остался без весла...»	64
«Как год за гранью февраля...»	65
Письмо Оле Власовой в село Пача	66
«На Барзасе букварная осень...»	68
Поле Родины	69
«В кедровнике, среди таежных пашен...»	70
«Дни свиданий в закатах сгорали...»	71
Осень в Сибири	72
«На Урмане татарье...»	73
«Слова к словам и лето в завязь...»	74
«Ты зачем в мою синь поднебесную...»	75
«Июнь. Начало лета...»	76
«Здесь тополя с рождения Христа...»	77
Поле Куликово	78
«Осень. Уголок моей отчизны...»	79

«Сохраним же до последних дней...»	80
«Садим клубни на дальних полях...»	81
«В день воскресный уйду одинокий...»	82
Ночь в Денисове	83
«Я вижу отчий край. Он весь...»	84
«Побольше кислорода в грудь...»	85
Сон матери	86
«Волочусь километрами...»	87
«Октябрь поздний...»	88
Божья мать	89
«Об ушедших душа отболит ли	90
«Не возвожу я свой духовный кров...»	91
«На стремнине текущей битвы...»	92
«И дождичек, и черный волок...»	93
«Этот чистый холодный май...»	94
Весна господняя	95
«Весною постной мир природы светел...»	96
«Отошли, отцвели, отлучились...»	97
«Люблю июнь, где ночь, как долгий вечер...»	98
«Когда в унынье ум и сердце ропщет...»	99
«Позасохла трава да побита полянка...»	100
«Там, где реки, леса и равнины...»	101
«Незабудки голубеньким снегом...»	102
Весна в Березовском	103
«Откровение, как ты сурово...»	104
«Если станет с деньгами получше ...»	105
Катенька	107
Вдохновение	109
Поле матери	110
«Журавлям, сколь даль ни открывать...»	112
Данилкино утро	114
Все родное хорошее	126
По казачьему тракту	131

ББК 84.3Р7
К 79

Литературно-художественное издание
Виталий Артемьевич Креков
ДЕРЕВЬЕВ ЛЮД СМИРЕННЫЙ
Стихи

Редактор **Б.В. Бурмистров**
Художественный редактор **В.П. Кравчук**
Компьютерный набор и верстка **Е.В. Кравчук**
ЛР № 030775

Подписано в печать 29. 10. 2005
Формат 60x84 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Thames»
Уч.-изд. л 5,27. Тираж 500 экз. Заказ № 3277/5.

Издательство «Сибирский писатель».
650099, г. Кемерово, пр. Советский, 40.
Отпечатано в ООО «Издательство «Летопись»».
650066, г. Кемерово, пр. Октябрьский, 53/2.

ISBN 5-89687-055-8

© В.А. Креков, 2005
© В.П. Кравчук, художник, 2005

Виталий КРЕКОВ

Родился 10 августа 1946 года в городе Бийске Алтайского края. С 1948 года проживает в городе Кемерово.

Образование получил в строительной школе и литературной студии «Притомье».

Работал каменщиком в различных строительных организациях и на электростанции.

В настоящее время, помимо литературного труда, занимается кладкой печей и каминов.

Член Союза писателей России с 1993 года.

Стихи Виталия Крекова публиковались в газетах «Кузбасс», «Кузнецкий край», в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «День и ночь».

Книги стихов: «Твое лицо», «Цветы картофельных полей», «Соломенный мост».

Живет в Кемерово.

